

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.19>

UDC 94(47).084
LBC 63.3(2)6

Submitted: 02.07.2022
Accepted: 08.12.2022

CREATION OF THE MEMORIAL COMPLEX FOR THE HEROES OF THE BATTLE OF STALINGRAD ON MAMAEV KURGAN: HISTORICAL MEMORY, ART AND SOVIET MONUMENTAL PROPAGANDA ¹

Aleksei D. Popov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article, based on a wide range of sources, described the creation of a memorial complex on Mamaev Kurgan in the hero city of Stalingrad/Volgograd and related public and non-public discussions. *Methods and materials.* An attempt was made to comprehend this process through the prism of the general dynamics of the formation of historical memory of the Great Patriotic War and the development of Soviet monumental art in the 1940s and 1960s. Using the method of actor-network analysis, the author of the article tries to reconstruct the goals, motives and actions of the main circle of interested parties (actors) who participated in the creation of the memorial complex “Heroes of the Battle of Stalingrad”: the highest state-party leadership of the USSR, municipal authorities, residents of the hero city, representatives of the creative community (architects, sculptors, writers, artists), as well as veterans – participants in the battle on the Volga. *Analysis and Results.* Based on the study materials, it is concluded that all these “historical memory designers” contributed to the creation of a unique monument-ensemble on Mamaev Kurgan, opened in 1967, guided not only by commemorative, but also by political-ideological, financial, career, status, moral-ethics and aesthetic motives. The need to erect a large memorial in the context of the Khrushchev campaign to combat excesses in architecture and criticism from individual members of the public demanded that the authors of the project, led by sculptor E. V. Vuchetich, transform it and adapt it to new realities, and also updated the process of forming the concept of the “Lenin’s plan of monumental propaganda”.

Key words: Great Patriotic War, historical memory, monumental art, memorial complex, hero city, Mamaev kurgan, E. V. Vuchetich, Stalingrad/Volgograd.

Citation. Popov A.D. Creation of the Memorial Complex for the Heroes of the Battle of Stalingrad on Mamaev Kurgan: Historical Memory, Art and Soviet Monumental Propaganda. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 209-221. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.19>

УДК 94(47).084
ББК 63.3(2)6

Дата поступления статьи: 02.07.2022
Дата принятия статьи: 08.12.2022

СОЗДАНИЕ МЕМОРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА «ГЕРОЯМ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ» НА МАМАЕВОМ КУРГАНЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ, ИСКУССТВО И СОВЕТСКАЯ МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА ¹

Алексей Дмитриевич Попов

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе широкого круга источников охарактеризованы создание мемориального комплекса на Мамаевом кургане в городе-герое Сталинграде / Волгограде и связанные с этим публичные и непубличные дискуссии. Сделана попытка осмыслить данный процесс через призму общей динамики становления исторической памяти о Великой Отечественной войне и развития советского монументального

искусства в 1940–1960-х годах. Используя метод акторно-сетевого анализа, автор статьи пытается реконструировать цели, мотивы и действия основного круга заинтересованных сторон (актеров), участвовавших в создании мемориального комплекса «Героям Сталинградской битвы»: высшего государственно-партийного руководства СССР, муниципальных властей, жителей города-героя, представителей творческого сообщества (архитекторов, скульпторов, писателей, художников), а также ветеранов – участников битвы на Волге. На основе материалов исследования делается вывод о том, что все эти «конструкторы исторической памяти» внесли свой вклад в создание уникального памятника-ансамбля на Мамаевом кургане, открытого в 1967 г., руководствуясь не только коммеморативными, но и политико-идеологическими, финансовыми, карьерными, статусными, морально-этическими и эстетическими мотивами. Необходимость возведения крупного мемориала в условиях хрущевской кампании по борьбе с излишествами в архитектуре и критика со стороны отдельных представителей общественности потребовала от авторов проекта во главе со скульптором Е.В. Вучетичем его трансформации и адаптации к новым реалиям, а также актуализировала процесс формирования концепта «ленинского плана монументальной пропаганды».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, монументальное искусство, мемориальный комплекс, город-герой, Мамаев курган, Е.В. Вучетич, Сталинград / Волгоград.

Цитирование. Попов А. Д. Создание мемориального комплекса «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане: историческая память, искусство и советская монументальная пропаганда // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 209–221. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.19>

Введение. Сталинградская битва и многие связанные с ней места, события и персоналии относятся к числу важнейших символов памяти о Великой Отечественной войне. Самым известным из этих символов является сооруженный в 1958–1967 гг. мемориальный комплекс на Мамаевом кургане в Волгограде, включающий статую Родины-матери – одну из самых известных в мире скульптурных композиций и один из символов СССР / России в целом [31]. Однако, несмотря на существенное внимание к этому «месту памяти» исследователей, ряд вопросов, связанных с его созданием и концептуальным содержанием, требуют более глубокого осмысления.

Методы и материалы. Основные этапы увековечения событий Сталинградской битвы нашли свое отражение в значительном количестве научных публикаций [2; 9, с. 43–58; 17; 18; 20; 41; 43]. Часть из них посвящена именно мемориалу на Мамаевом кургане как главному «месту памяти» города-героя на Волге [3; 7, с. 369–378; 15; 30; 31; 32; 39; 42]. В этих работах описаны основные этапы мемориализации Мамаева кургана, а также сделаны попытки художественно-эстетического и символично-семиотического анализа монументальных сооружений, появившихся здесь в советский период. Несмотря на несомненную эвристическую ценность таких подходов, актуальным представляется расширение исследовательского ракурса, вписывающего данный

процесс в общую динамику становления исторической памяти о Великой Отечественной войне, а также общую логику развития советского монументального искусства. С этой целью впервые была сделана попытка рассмотреть процесс мемориализации Мамаева кургана в 1940–1960-х гг. с использованием методов акторно-сетевого анализа, основоположником которого стал известный французский социолог Бруно Латур [18]. Особенностью такого подхода является характеристика целей, мотивов и действий основного круга заинтересованных сторон (актеров), участвовавших или пытавшихся участвовать в создании мемориального комплекса «Героям Сталинградской битвы». Источниковую базу для проведения исследования составили архивные и опубликованные документы, материалы массовых и специализированных периодических изданий, а также эго-документы.

Анализ. В 1943–1953 гг. скорейшее восстановление города-героя на Волге, связанного с коренным переломом в войне и названного в честь «вождя народов», было одним из приоритетов для центральных органов власти СССР. «Восставший из пепла» Сталинград должен был символизировать триумф государства-победителя и еще более укрепить сталинский культ [44, S. 25–26]. Благодаря политической воле высшего руководства, выделению значительных финансовых и материально-технических ресурсов, эффективным

действиям местного управленческого аппарата, а также самоотверженному труду местных жителей (в том числе в рамках знаменитого «черкасовского» движения) восстановление города происходило быстрыми темпами и с небывалым размахом. В отличие от многих других городов-героев, также подвергшихся колоссальным разрушениям, в Сталинграде была полностью изменена планировка центра города, появились новые площади, проспекты, улицы, застроенные величественными и богато декорированными зданиями. Место недавних кровопролитных боев превратилось в «город-памятник», «город-монумент» самому Сталину, участникам Сталинградской битвы, а также военному и трудовому подвигу советского народа [40, с. 1–2, 23–25].

В архитектурный ландшафт обновленного города были «точечно» включены мемориальные сооружения, непосредственно связанные с событиями Великой Отечественной войны. Самым масштабным из них на первом этапе восстановления стал открытый 28 декабря 1947 г. памятник чекистам (воинам 10-й дивизии войск НКВД и милиционерам Сталинграда), созданный по проекту местного архитектора Ф.М. Коимшиди. Он представлял собой расположенную на постаменте-обелиске фигуру воина-чекиста с поднятым над головой мечом и имел общую высоту 22 м [17, с. 62].

Но в целом становилось все более очевидным, что с учетом своей площади, расположения, исторического прошлого именно Мамаев курган наилучшим образом подходит для создания главного монументального комплекса, посвященного событиям Сталинградской битвы. Местные власти позаботились о санитарной очистке и разминировании данной территории, благоустройстве расположенных здесь захоронений советских воинов, а также приняли решения об исключении этих земель из хозяйственного использования [15, с. 5]. Параллельно с этим были предприняты первые попытки разработки концепции будущего мемориала. Высказывались идеи о том, что здесь следует также построить здание музея-панорамы «Сталинградская битва», осуществить упорядочение захоронений, сохранить в демонстрационных целях часть фортификационно-оборонительных сооружений [36, л. 20].

В 1948 г. состоялся конкурс проектов мемориала на Мамаевом кургане, на который было подано несколько оригинальных предложений. Например, сталинградский архитектор Е.И. Левитан предлагал построить гигантскую пирамиду, разделенную на четыре части, внутри которой должна была находиться скульптура советского воина с мечом в поднятой руке [40, с. 3–5]. Однако в последующие десятилетия на Мамаевом кургане был реализован проект, разработанный под руководством скульптора Е.В. Вучетича, который приобретал большую известность благодаря открытому 8 мая 1949 г. мемориальному комплексу в Трептов-парке Берлина. Впоследствии Вучетич утверждал, что идея создания масштабного мемориального объекта в Сталинграде возникла у него под воздействием писем ветеранов, которые спрашивали: «почему нет такого же памятника на нашей родной земле?» [5; 37, с. 12].

Из-за значительных финансовых затрат и расходов материально-технических фондов, которые были связаны с восстановлением центральной части Сталинграда и его промышленного потенциала, «форсирование» создания мемориала на Мамаевом кургане стало актуальным только во второй половине 1950-х годов. Одной из причин активизации данного процесса стала записка маршала Г.К. Жукова (в то время – министра обороны СССР) в ЦК КПСС от 14 июня 1955 года. В ней он выступил с инициативой создания посвященных Великой Отечественной войне крупных мемориальных комплексов в Москве, Ленинграде, Сталинграде, Севастополе и Одессе. Причем относительно Сталинграда он не только считал необходимым скорейшее создание памятника-монумента в честь героев Сталинградской битвы, но и прямо предлагал взять за основу проект, разработанный под руководством Е.В. Вучетича [14, с. 35–36].

Такая инициатива Жукова имела неоднозначный характер, как вследствие скорой опалы «маршала Победы», так и в связи с принятым 4 ноября 1955 г. по личной инициативе Н.С. Хрущева постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». В данном постановлении говорилось о необходимости архитектурного упрощения и уде-

шевления сооружения жилых и общественных зданий, однако ничего не было сказано о монументальных сооружениях мемориального назначения. Поэтому представители власти и творческие круги ожидали каких-то сигналов от лидера государства по поводу возможного сооружения масштабного и дорогостоящего мемориала в Сталинграде.

В 1958 г. предложенная группой под руководством Вучетича пилотная версия проекта мемориального комплекса на Мамаевом кургане публично обсуждалась общественностью Сталинграда и в целом получила положительные отзывы [33, л. 8–9]. 25 декабря 1958 г. было принято постановление Совета Министров РСФСР о сооружении «памятника-монумента в ознаменование победы над немецко-фашистскими войсками под Сталинградом» с включением в общий ансамбль музея-панорамы «Сталинградская битва». В документе указывалось, что создание мемориала должно быть осуществлено на основе проекта авторского коллектива в составе скульптора Е.В. Вучетича (руководитель), архитектора Я.Б. Белопольского и художника А.А. Гарпенко. Завершить реализацию проекта предполагалось к 9 мая 1961 г., причем размер ассигнований из госбюджета для этих целей предусматривался в размере до 25 млн руб. [27, л. 112–113].

Определенным стимулом для актуализации идеи создания мемориала на Мамаевом кургане на рубеже 1950–1960-х гг. мог играть тот факт, что Н.С. Хрущев в 1942 г. занимал должность члена Военного совета Сталинградского фронта. Анализ различных источников, относящихся ко второй половине 1950 – началу 1960-х гг., свидетельствует о том, что некоторые советские военачальники пытались преувеличить военные заслуги Хрущева. Например, явное желание в выгодном свете показать «выдающийся» вклад Хрущева и одновременно критически оценить роль Сталина во время Сталинградской битвы прослеживается в изданных в 1961 г. мемуарах Маршала Советского Союза А.И. Еременко [12, с. 468–472]. Однако сам Хрущев не предпринял каких-либо действий, направленных на стимулирование своего героического культа.

В то же время есть все основания предполагать, что Хрущев в целом позитивно от-

несся к реализации проекта на Мамаевом кургане. Во всяком случае, так утверждал и сам Е.В. Вучетич [6, с. 379–380], и главный военный консультант проекта В.И. Чуйков [7, с. 371]. При этом существует очень распространенное, хотя и не подкрепленное ссылкой на источник информации утверждение, что Хрущев якобы настаивал, чтобы фигура Родины-матери была выше, чем статуя Свободы в Нью-Йорке [15, с. 9], стремясь таким образом символически подчеркнуть превосходство СССР над США. Если доверять этой информации, то в данном случае советский лидер выступил приверженцем не экономии, а гигантомании. 17 сентября 1963 г. во время одного из своих визитов в Волгоград Хрущев лично посетил Мамаев курган, а сопровождавший его во время осмотра Вучетич рассказал «о замысле и ходе строительства» [21]. Впрочем к тому времени все основные творческие формы и технические решения объекта уже были согласованы на высшем уровне.

Судя по материалам исторических источников, в оценке произведений искусства для Хрущева всегда были значимы два основных критерия: следование принципам социалистического реализма и рациональное использование материальных ресурсов. В обоих этих вопросах проект Вучетича являлся приемлемым. Один из номеров журнала «Искусство» за 1963 г. открывала редакционная статья «За идейную чистоту советского изобразительного искусства», где подчеркивалось, что: «народу – строителю коммунизма глубоко чужды абстракционизм и формализм, любые отступления от социалистического реализма» [13, с. 11]. А далее в этом же номере следовала статья А. Федорова «Памятник героическому подвигу», в которой именно создаваемый в то время под руководством Вучетича мемориал на Мамаевом кургане характеризовался как пример правильного отражения событий Великой Отечественной войны в советском монументальном искусстве [37].

Между тем в окончательном варианте своего проекта Вучетич практически полностью исключил использование таких дорогостоящих материалов, как бронза, мрамор, гранит. Не только конструкции, но и скульптурные элементы памятника-ансамбля были выполнены из более дешевого и долговечного

материала – железобетона. Осенью 1959 г. Совет Министров СССР принял решение дополнительно выделить для сооружения мемориала на Мамаевом кургане 3 тыс. тонн цемента и 1,3 тыс. тонн металлопроката, полученных за счет превышения производственных планов предприятиями Сталинградского совнархоза [24, л. 10]. Ради экономии решено было отказаться от некоторых ранее запланированных архитектурных сооружений, например, от Арки Славы у входа [42, р. 400].

В период «оттепели» в дискуссии о реализуемом на Мамаевом кургане мемориальном проекте оказались вовлечены представители творческих кругов. Ряд известных архитекторов и скульпторов были заинтересованы в поддержании сталинского канона с его гигантоманией и помпезностью (хотя бы при сооружении мемориальных объектов), что обеспечило бы им сохранение части крупных проектов и заказов. Но в условиях десталинизации для оправдания «сталинского размаха» они стали использовать обращение к ставшему более актуальным ленинскому наследию. Так, на страницах изданного в 1957 г. очередного тома «Истории русского искусства» значительный раздел был посвящен «ленинскому плану монументальной пропаганды» [22] – концепту, который был сформулирован в начале 1930-х гг. в ряде автобиографических текстов А.В. Луначарского, но в сталинский период не получил заметного распространения.

Однако во второй половине 1950 – начале 1960-х гг. публикации на эту тему, лейтмотивом которых было описание огромного внимания В.И. Ленина к созданию идеологически полезных мемориальных сооружений, стали регулярно появляться в советской периодике, как специализированной, так и предназначенной для массового читателя. Очевидно, что для архитекторов, строителей, скульпторов, художников, которые и в хрущевский период продолжали участвовать в реализации крупных мемориальных проектов, ссылка на ленинский авторитет давала своеобразную «творческую индульгенцию» на фоне кампании по борьбе с «излишествами» в архитектуре. По их утверждениям, принятый еще в 1918 г. «Ленинский план монументальной пропаганды» (именно так стали называть декрет СНК РСФСР от 12 апреля 1918 г. «О снятии

памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской социалистической революции») спустя более 40 лет не утратил своего значения, а «идеи и принципы этого плана имеют до сего времени основополагающее и непреходящее значение для развития советского искусства» [34, с. 2]. После открытия памятника-ансамбля на Мамаевом кургане на него продолжали ссылаться как на один из ярких примеров реализации ленинских идей в монументальном искусстве [38]. Сам Вучетич в своей книге «Художник и жизнь» (1963 г.) посвятил целый раздел ленинскому плану монументальной пропаганды, назвав его «величайшим источником вдохновения» [6, с. 139].

В то же время часть общественности и профессионального сообщества на рубеже 1950–1960-х гг. критически оценила проект мемориала на Мамаевом кургане. В архивных фондах сохранились письма советских граждан из разных городов страны, которые в 1959–1961 гг. критиковали проект Вучетича. Предметом критики являлось местоположение объекта (за «удаленность от центра города»), его главная скульптурная композиция, которая первоначально была двухфигурной, общая концепция мемориала («нагромождение скульптурных групп»). Причем авторы этих писем высказывали критические замечания на основе опубликованных в советской прессе первоначальных эскизов и набросков, которые впоследствии были существенно изменены [10, л. 28, 34, 38].

В феврале 1960 г. на страницах «Комсомольской правды» была опубликована полемическая статья известного советского писателя Б.Н. Полевого «Таким ли должен быть памятник героям Сталинграда?». Автор статьи, который в прошлом как военный корреспондент был непосредственным участником Сталинградской битвы, высказал мнение о том, что памятник на Мамаевом кургане должен быть «строгим, мужественным и простым». Он обвинял Вучетича в гигантомании и призывал отказаться от идеи «одеть Мамаев курган в гранитные одежды стоимостью в десятки миллионов рублей» [27]. По мнению современного исследователя В. Огрызко, выступление Полевого являлось проявлением реакции либерально настроенной части совет-

ской творческой интеллигенции периода «оттепели», которая воспринимала Вучетича как консерватора и «охранителя социалистического реализма» [25].

В непубличные разбирательства вокруг статьи Полевого оказался вовлечен целый ряд государственно-партийных функционеров высокого уровня (А.Б. Аристов, Н.Д. Казьмин, П.Н. Поспелов, А.В. Романов, Е.А. Фурцева и др.). В течение нескольких месяцев сторонники и противники проекта Вучетича направляли письма со своими аргументами в редакции «Комсомольской правды» и «Литературной газеты». Однако без соответствующей директивы «сверху» они так и не были опубликованы, зато стали предметами рассмотрения сотрудников аппарата ЦК КПСС. Судя по сохранившимся в Российском государственном архиве новейшей истории (далее – РГАНИ), текстам этих писем, в защиту проекта Вучетича выступил В.И. Чуйков, тогда как позицию Полевого поддержали писатели В.П. Некрасов и К.М. Симонов, поэт М.К. Луконин, а также генерал-лейтенант А.И. Родимцев. В частности Родимцев призывал «вовремя уберечь авторов проекта от ненужной гигантомании, помпезности, дорогого и безвкусного украшения» [29, л. 39]. При этом критики проекта, вслед за Полевым, приписывали концепции мемориала на Мамаевом кургане негативные характеристики, которые в большинстве своем были либо надуманными, либо уже не отвечали текущему состоянию измененного проекта.

Позиция официальных лиц оказалась сдержанной и была направлена на то, чтобы исключить дальнейшую публичную критику утвержденного проекта мемориала, который к тому времени уже находился в стадии практической реализации. В одном из документов ЦК КПСС констатировалось, что данный проект ранее обсуждался творческими деятелями и жителями города-героя на Волге, участниками Сталинградской битвы, рассматривался в обкоме партии и облисполкоме, получил высокую оценку Государственного художественного совета по монументальной скульптуре, был одобрен президиумом Академии художеств СССР, коллегией Министерства культуры РСФСР и утвержден Президиумом Совета Министров РСФСР [29, л. 41–42].

Однако в профессиональной среде скульпторов впоследствии нашлись те, кто пытался продолжить публичную критику Вучетича. В декабре 1964 г. на страницах газеты «Комсомольская правда» было опубликовано письмо советского скульптора О.А. Иконникова, который заявил о том, что Вучетич и связанная с ним группа лиц получила фактическую «монополию» на реализацию крупных мемориальных проектов. Как утверждал автор письма, это приводило к «повторению», «тиражированию» уже использованных творческих приемов [16]. Впоследствии О. Иконников неоднократно пытался критиковать Вучетича, в частности на состоявшемся 22 марта 1966 г. заседании бюро секции скульптуры при Московском отделении Союза художников РСФСР. Здесь он вновь выразил недовольство «засильем Вучетича». При этом некоторые из присутствующих констатировали, что в аргументах Иконникова прослеживалась личная обида, зависть по отношению к славе Вучетича и его высоким гонорарам [33, л. 19–22]. В целом это уже никак не повлияло на приближавшуюся к завершению реализацию проекта.

Сам Вучетич утверждал, что мемориальный комплекс на Мамаевом кургане – это попытка мемориализации не только величайшего исторического события, но и массового героизма, который сложно было передать традиционной однофигурной или многофигурной скульптурой на постаменте. Поэтому и была выбрана форма памятника-ансамбля, которую скульптор называл «высшей формой монументального искусства». Благодаря этому появилась возможность создать ряд расположенных в определенном порядке архитектурно-скульптурных пространств (вводный горельеф «Память поколений», аллея пирамидальных тополей, площадь «Стоять насмерть» со скульптурой воина-богатыря, «Стены-руины», площадь Героев, Зал воинской славы, площадь Скорби, главная скульптурная композиция «Родина-мать зовет!»), последовательное посещение которых позволяет достичь определенного эмоционального состояния [5]. В состав мемориала также входили четырехгранные 9-метровые пилоны с портретными изображениями представителей всех родов войск. 14 таких пилонов располагалось вокруг Зала

воинской славы, однако в 2007 г. было принято решение их полностью демонтировать из-за аварийного состояния.

Московские исследователи Д.В. Васильев и Н.А. Мазаев на основе искусствоведческого анализа сделали интересный вывод о том, что коррективы, внесенные в проект на рубеже 1950–1960-х гг., изменили его символическую составляющую. Во-первых, в первоначальном варианте вводную композицию планировалось посвятить теме «Внезапное нападение», а на вершине кургана предполагалось разместить скульптурное изображение Родины-матери со знаменем Победы в правой руке и снопами колосьев в левой, рядом с которой находится фигура коленопреклоненного солдата, целующего сноп пшеницы (как символ возвращения к мирной жизни). Таким образом, первоначальная символическая логика мемориала основывалась на хронологии и показывала ход войны от внезапного начала и до победного конца. Кроме того, в первом варианте у подножия главной скульптурной композиции предлагалось построить двухъярусное здание музея-панорамы «Сталинградская битва», что заметно увеличило бы его информационное содержание за счет отображения исторической хроники сражения и персонафицированных образов самых известных героев. Однако произошедший впоследствии отказ от размещения панорамы на Мамаевом кургане, изменение вводной композиции и главной скульптуры, представшей в виде Родины-матери с поднятым мечом, кардинальным образом изменили восприятие всего ансамбля. Теперь доминирующим стало именно эмоциональное, а не рационально-историческое восприятие, с выделением зоны героизации, зоны поминовения и зоны триумфального величия советского народа-победителя (подробнее см.: [3, с. 114–123]).

Одним из важнейших факторов, обусловивших создание памятника-ансамбля на Мамаевом кургане в его состоявшемся виде, стало выделение из него в отдельный объект панорамы, посвященной событиям Сталинградской битвы. Понимая, что работа над самой панорамой и двухъярусным зданием для ее размещения «тормозит» реализацию проекта и «перегружает» визуальное восприятие мемориала, команда Вучетича в 1959 г. предложила инновационное решение проблемы –

замену традиционной художественной панорамы круговой кинопанорамой, которую предполагалось установить в Зале славы. Военные консультанты А.И. Еременко и В.И. Чуйков, а также многие другие участники Сталинградской битвы и ветераны войны поддержали такую инновацию и подчеркнули, что с волнением ожидают скорейшего сооружения достойного памятника «богатырям, покрывшим себя неувядаемой славой» [11]. В то же время представители Художественного совета Министерства культуры РСФСР не одобрили такое изменение концепции [7, с. 371], по всей видимости, лоббируя интересы Студии военных художников им. М.Б. Грекова, которая, согласно постановлению 1958 г., должна была заниматься созданием панорамы [28, л. 113]. При этом стоимость художественных работ по созданию полотна и предметного плана панорамы составляла 3,5 млн руб. – почти 30 % от общих затрат на творческую часть проекта в целом [23, л. 47].

В дискуссию были вовлечены и другие известные участники Сталинградской битвы, мнения которых разделились. Так, А.И. Родимцев и И.И. Людников поддержали идею кинопанорамы, причем последний отмечал, что «нельзя в одной панораме показать все, что решило судьбу Волгоградской битвы. Надо искать новые формы». В то же время им оппонировал М.С. Шумилов, а также А.И. Еременко, который заявил: «Если и кино, и музыка, и скульптура, и картины – будет такое нагромождение, что ничего не разберешь. Кино может умереть, но панорама никогда» [7, с. 374–375]. В итоге 18 апреля 1964 г. на высшем уровне было принято решение продолжать создание традиционной панорамы, но выделить ее в отдельный проект [2, с. 70], который реализовывался на новой локации рядом со знаменитым Домом Павлова. Торжественное открытие нового мемориального объекта, в состав которого помимо панорамы входили 4 диорамы и музейные помещения, состоялось только 8 июля 1982 г., то есть спустя почти 15 лет после завершения создания памятника-ансамбля [26, л. 43–44].

Безусловно, мемориальный комплекс на Мамаевом кургане имел общесоюзное значение. Однако он был чрезвычайно важен для формирования локальной героической идентично-

сти самих волгоградцев, для местных жителей и муниципальных властей. Уже во время сооружения памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы» начал выполнять статусную функцию. В частности, его посещали практически все VIP-гости города, как отечественные, так и зарубежные. Когда в 1966 г. город-герой на Волге посетил Президент Франции Шарль де Голль, то в качестве подарка от городских властей ему была вручена модель-копия скульптуры «Родина-мать зовёт!» [4]. Узнаваемая фигура Родины-матери стала символом города, популярной туристической достопримечательностью и объектом экскурсионного посещения. Местные жители также стали «соавторами» уникальной мемориальной среды, создаваемой на Мамаевом кургане. Это проявилось, например, в высадке здесь деревьев в память о погибших воинах, которая началась весной 1965 г. Данная общественная инициатива, озвученная по местному телевидению жительницей Волгограда Л.С. Пластиковой, сразу же вызвала отклик тысяч волгоградцев, приобрела поистине массовый характер [1, с. 67–68].

После концептуальных, функциональных и технических корректив, внесенных в реализуемый под руководством Вучетича проект, мемориал на Мамаевом кургане был успешно завершен, приобрел всенародное признание и всемирную известность. Одновременно с информацией о торжественном открытии мемориального комплекса на Мамаевом кургане 15 октября 1967 г., в котором лично участвовал Л.И. Брежнев, советские газеты сообщили также о награждении Вучетича званием Героя Социалистического труда. Все участники Сталинградской битвы, получившие возможность выступить на церемонии открытия (А.И. Еременко, В.И. Чуйков, Я.Ф. Павлов), выразили благодарность за создание такого величественного мемориального комплекса руководству коммунистической партии, правительству и всему советскому народу. Чуйков в своей речи также упомянул «местные партийные и советские органы Волгограда», «строителей города-героя», «творческий коллектив во главе с народным художником СССР скульптором Е.В. Вучетичем» [35]. В 1970 г. коллектив основных авторов памятника-ансамбля (помимо Вучетича в него вош-

ли Я.Б. Белопольский, В.А. Дёмин, В.Е. Матросов, А.С. Новиков, А.А. Тюренок) был удостоен Ленинской премии. Сам Вучетич вплоть до своей смерти в 1974 г. оставался самым известным и востребованным советским скульптором-монументалистом послевоенного периода, в том числе принял участие в проектировании масштабных мемориальных комплексов на месте Курской битвы и в городе-герое Киеве.

Во второй половине 1970-х гг. в Магнитогорске под руководством Я.Б. Белопольского был создан монумент «Тыл – фронту», который стал рассматриваться как третья часть уникального «триптиха» величественных мемориалов с использованием образа Меча Победы. Центральная скульптура мемориала в Магнитогорске изображает его передачу в руки советского воина; Родина-Мать на Мамаевом кургане взмахом Меча призывает к непримиримой борьбе; в руках Воина-освободителя мемориала в Третьков-парке Меч Победы опущен, что символизирует окончательный разгром врага [8].

Непосредственно в Волгограде на протяжении последующих десятилетий неоднократно возвращались к идее сооружения второй очереди мемориала на пространстве от подножия Мамаева кургана до берега Волги. С одной стороны, здесь предлагалось создание новых мемориальных объектов, в том числе монументальных стел в честь 12 советских армий, участвовавших в Сталинградской битве. Идея эта возникла под влиянием уже неоднократно упоминавшегося А.И. Еременко, который в 1967 г. согласился поставить свою подпись на акте приемки мемориального комплекса только при условии приложения к нему его особого мнения-комментария. В этом документе он отмечал, что существенным недостатком мемориала, по его мнению, является чрезмерный акцент на деятельность 62-й армии (под командованием Чуйкова), тогда как другим армиям было уделено меньше внимания. С другой стороны, вторая очередь должна была включать сооружения утилитарного назначения – речной причал, зону отдыха с фонтаном, парковку для автотранспорта, надземный переход через проспект им. В.И. Ленина. Однако по разным причинам, преимущественно материально-

технического характера, эти проекты так и не были реализованы [19].

Результаты. Таким образом, анализ процесса мемориализации событий Сталинградской битвы на протяжении первых послевоенных десятилетий позволяет выявить основные тенденции развития советской исторической памяти и монументального искусства в данный период. Несмотря на хрущевскую кампанию по борьбе с «излишествами» в архитектуре, крупные мемориальные объекты продолжали сооружаться, однако это было возможно лишь с санкции высшего руководства и с идеологическим прикрытием в виде окончательно оформившегося во второй половине 1950 – первой половине 1960-х гг. концепта «ленинского плана монументальной пропаганды». Значимое влияние на ход сооружения мемориалов оказывали такие основные группы акторов: 1) высшее государственно-партийное руководство; 2) муниципальные власти; 3) местное население; 4) представители творческого сообщества (архитекторы, скульпторы, писатели, художники); 5) ветераны Великой Отечественной войны. В случае создания мемориального комплекса на Мамаевом кургане в Сталинграде / Волгограде все эти «конструкторы исторической памяти» внесли существенный, хотя и неравнозначный вклад, руководствуясь не только коммеморативными, но и политико-идеологическими, финансовыми, карьерными, статусными, морально-этическими и эстетическими мотивами. Готовность творческого коллектива под руководством Е.В. Вучетича к определенной трансформации и адаптации проекта под влиянием объективных факторов, политических трендов и общественных настроений привело к тому, что проект памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы» был успешно завершён и стал одним из самых выдающихся произведений советского монументального искусства.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-00218 «Практики взаимодействия власти и общества в позднесоветский период (1956–1985 гг.)».

The reported study was funded by RFBR in the framework of project no. 20-09-00218 “The

relationships between the government and society during the late Soviet period (1956–1985)”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анипкин А. М., Кандаурова И. М. Продолжение подвига: Из опыта идейно-воспитательной работы Волгоградской областной партийной организации. М.: Плакат, 1989. 191 с.
2. Аргасцева С. А. Сталинградская панорама как памятник истории, искусства и культуры: источниковедческая база // Сталинградская битва в судьбах народов: Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград: Принт, 2013. С. 69–73.
3. Васильев Д. В., Мазаев Н. А. Памятник-ансамбль на Мамаевом кургане: динамика коммеморации Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2020. № 2. С. 112–127. URL: http://vestospu.ru/archive/2020/articles/10_2_2020.html
4. Володин Л. Вместе работать на благо мира // Известия. 1966. 29 июня.
5. Вучетич Е. Мысли летят в будущее // Советская культура. 1967. 14 октября.
6. Вучетич Е. Художник и жизнь. М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1963. 446 с.
7. Гершзон М. М. Закат Сталина и Оттепель: управление культурой в СССР в 1950-х – начале 1960-х гг. Очерки. М.: Модест Колеров, 2018. 390 с.
8. Гольцев В. Победоносный чудо-меч // Известия. 1975. 14 февраля.
9. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) / М. А. Рыблова и др. Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 336 с.
10. Документы о строительстве памятника-монумента Победы // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-501. Оп. 1. Д. 2840. 71 л.
11. Драгунский Д. Немеркнувшие святости // Советская культура. 1961. 19 декабря.
12. Еременко А. И. Сталинград: записки командующего фронтом. М.: Воениздат, 1961. 504 с.
13. За идейную чистоту советского изобразительного искусства // Искусство. 1963. № 2. С. 2–11.
14. Записка Г. К. Жукова в ЦК КПСС от 14 июня 1955 г. // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МДФ, 2001. С. 35–36.
15. И вот он заговорил – Мамаев курган...: к 50-летию открытия памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы» / В. И. Попков и др. // Изве-

стия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 1. С. 4–12.

16. Иконников О. Судьба каменной песни // Комсомольская правда. 1964. 2 декабря.

17. Кринко Е. Ф. Сталинградская битва в мемориальной культуре Волгограда и Волгоградской области // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы IV Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию победы в Сталинградской битве. В 2 ч. Ч. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. С. 59–69.

18. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 384 с.

19. Мазанов С. Вторая очередь Мамаева Кургана... URL: <https://vlg-blogger-club.livejournal.com/556253.html>

20. Манаев А. Ю. «Мы возродим тебя, родной Сталинград!»: формирование образа Сталинградской битвы в исторической памяти (1940-е – 1950-е гг.) // Наука. Общество. Оборона. 2020. Т. 8, № 1. URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2020-1-22/article-0230>

21. Н. С. Хрушев на Нижней Волге // Правда. 1963. 18 сентября.

22. Нейман М. Л. Ленинский план «монументальной пропаганды» и первые скульптурные памятники // История русского искусства. Т. IX. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. С. 23–53.

23. О мероприятиях по проведению скульптурно-живописных работ для памятника-монумента в Сталинграде // ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 7827. 52 л.

24. Об утверждении сметы расходов на сооружение памятника-монумента // ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 4179. 31 л.

25. Огрызко В. Почему Константин Симонов проиграл скульптору Вучетичу. URL: <https://litrossia.ru/item/8406-pochemu-konstantin-simonov-proigral-skulptoru-vuchetichu>

26. Переписка с министерствами и ведомствами о создании экспозиции «Сталинградская битва» // ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 6931. 355 л.

27. Полевой Б. Таким ли должен быть памятник героям Сталинграда? // Комсомольская правда. 1960. 7 февраля.

28. Постановления Совета Министров РСФСР за декабрь 1958 года // ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 1059. 355 л.

29. Проект постановления ЦК КПСС, записки Отделов, письма // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 37. Д. 84. 217 л.

30. Разаков В. Х. Архитектурно-скульптурный памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане // Военный Сталинград

как мировой социокультурный феномен. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. С. 156–187.

31. Рябов О. В. Монумент «Родина-мать зовет!» в символической политике: Контуры проблемного поля // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2017. № 1. С. 6–20.

32. Рябов О. В. «Родина-мать» в советском дискурсе Сталинградской битвы: военная пропаганда и коммеморация // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2017. № 1. С. 21–34.

33. Стенограмма заседания бюро секции скульптуры // Российский государственный архив литературы и искусств (РГАЛИ). Ф. 2943. Оп. 2. Д. 1128. 51 л.

34. Стригалева А. Ленинские принципы монументальной пропаганды // Архитектура СССР. 1962. № 4. С. 2–8.

35. Творцам Победы. Вечный огонь на Мамаевом кургане // Известия. 1967. 16 октября.

36. Творческий отчет архитектора А.М. Синявера // РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 3. Д. 653. 28 л.

37. Федоров А. Памятник героическому подвигу // Искусство. 1963. № 2. С. 12–13.

38. Халтурин А. Ленинский план монументальной пропаганды в действии // Искусство. 1972. № 12. С. 9–12.

39. Чагадаева О. Молчание Мамаева кургана // Родина. 2021. № 9. С. 14–16.

40. Янушкина Ю. В. Архитектурные образы послевоенного Сталинграда. URL: [http://vestnik.vgasu.ru/attachments/Yanushkina-2013_1\(25\).pdf](http://vestnik.vgasu.ru/attachments/Yanushkina-2013_1(25).pdf)

41. Arnold S. Stalingrad im sowjetischen Gedächtnis: Kriegserinnerung und Geschichtsbild im totalitären Staat. – Bochum: Projekt Verlag, 1998. 428 S.

42. Palmer S. How Memory was Made: The Construction of the Memorial to the Heroes of the Battle of Stalingrad // The Russian Review. 2009. Vol. 68, № 3. P. 373–407.

43. Trubina E. The Reconstructed City as Rhetorical Space: The Case of Volgograd // Remembering, Forgetting and City Builders / eds. by T. Fenster and H. Yacobi. Burlington: Ashgate publishing company, 2010. P. 107–120.

44. Wolfram S. Stalingrad in der sowjetischen Erinnerung // Stalingrad erinnern: Stalingrad im deutschen und im russischen Gedächtnis. Berlin: Links Verlag, 2003. S. 24–37.

REFERENCES

1. Anipkin A.M., Kandaurova I.M. *Prodolzhenie podviga: Iz opyta ideino-vospitatelnoi raboty Volgogradskoi oblastnoi partiinoi organizatsii* [Continuation of the Feat: From the Experience of Ideological and Educational Work of the Volgograd

- Regional Party Organization]. Moscow, Plakat Publ., 1989. 191 p.
2. Argastseva S.A. Stalingradskaia panorama kak pamiatnik istorii, iskusstva i kultury: istochnikovedcheskaia baza [Stalingrad Panorama as a Monument of History, Art and Culture. Source Study Base]. *Stalingradskaia bitva v sudbakh narodov: Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Battle of Stalingrad in the Fate of Peoples. International Scientific and Practical Conference]. Volgograd, Print Publ., 2013, pp. 69-73.
  3. Vasilev D.V., Mazaev N.A. Pamiatnik-ansambl na Mamaevom kurgane: dinamika kommemoratsii Velikoi Otechestvennoi voiny [Mamaev Kurgan Memorial: Dynamics of Commemoration of the Great Patriotic War]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal], 2020, no. 2, pp. 112-127. URL: http://vestospu.ru/archive/2020/articles/10_2_2020.html
  4. Volodin L. Vmeste rabotat na blago mira [Work Together for Peace]. *Izvestiia*, 1966, June 29.
  5. Vuchetich E. Mysli letiat v budushchee [Thoughts Fly to the Future]. *Sovetskaia kultura*, 1967, October 14.
  6. Vuchetich E. *Khudozhnik i zhizn* [The Artist and Life]. Moscow, Izd-vo Akademii khudozhestv SSSR, 1963. 446 p.
  7. Gershzon M.M. *Zakat Stalina i Ottepel: upravlenie kulturoi v SSSR v 1950-kh – nachale 1960-kh gg. Ocherki* [The Decline of Stalin and the Thaw: Cultural Management in the USSR in the 1950s and Early 1960s. Essays]. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2018. 390 p.
  8. Goltsev V. Pobedonosnyi chudo-mech [Victorious Miracle Sword]. *Izvestiia*, 1975, February 14.
  9. Ryblova M.A., Krinko E.F., Khlynina T.P., Arkhipova E.V., Kurilla I.I., Nazarova M.P., eds. *Detstvo i voina: kultura povsednevnosti, mekhanizmy adaptatsii i praktiki vyzhivaniia detei v usloviakh Velikoi Otechestvennoi voiny (na materialakh Stalingradskoi bitvy)* [Childhood and War: The Culture of Everyday Life, the Mechanisms of Adaptation and Practice of the Survival of Children in the Great Patriotic War (Based on the Materials of the Battle of Stalingrad)]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. fil. FGBOU VO RANKHiGS, 2015. 336 p.
  10. Dokumenty o stroitelstve pamiatnikamonumenta Pobedy [Documents on the Construction of the Monument of Victory]. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], f. A-501, inv. 1, d. 2840. 71 l.
  11. Dragunskii D. Nemerknushchie sviatyni [Unfading Shrines]. *Sovetskaia kultura*, 1961, December 19.
  12. Eremenko A.I. *Stalingrad: zapiski komanduiushchego frontom* [Stalingrad: Notes of the Front Commander]. Moscow, Voenizdat Publ., 1961. 504 p.
  13. Za ideinuiu chistotu sovetskogo izobrazitelnogo iskusstva [For the Ideological Purity of Soviet Fine Art]. *Iskusstvo* [Art], 1963, no. 2, pp. 2-11.
  14. Iakovlev A.N., ed. Zapiska G. K. Zhukova v TsK KPSS ot 14 iunია 1955 g. [Note by Zhukov G.K. to the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union of June 14, 1955]. *Georgii Zhukov. Stenogramma oktiabrskogo (1957 g.) plenuma TsK KPSS i drugie dokumenty* [Georgy Zhukov. Transcript for October (1957) Plenum of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union and Other Documents]. Moscow, MDF Publ., 2001, pp. 35-36.
  15. Popkov V.I., Kutikov A.V., Argastseva S.A. et al, Eds. I vot on zagovoril – Mamaev kurgan... k 50-letiiu otkrytiia pamiatnika-ansambliia «Geroyam Stalingradskoi bitvy» [And So He Spoke – Mamaev Kurgan... To the 50th Anniversary of the Monument-Ensemble “To the Heroes of the Battle of Stalingrad” Opening]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestiia of Volgograd State Pedagogical University], 2018, no. 1, pp. 4-12.
  16. Ikonnikov O. Sudba kamennoi pesni [The Fate of the Stone Song]. *Komsomolskaia Pravda*, 1964, December 2.
  17. Krinko E.F. Stalingradskaia bitva v memorialnoi kulture Volgograda i Volgogradskoi oblasti [Battle of Stalingrad in the Memorial Culture of Volgograd and the Volgograd Region]. *Voennaia istoriia Rossii: problemy, poiski, resheniia: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf., posviashch. 75-letiiu pobedy v Stalingradskoi bitve. V 2 ch. Ch. 1* [Military History of Russia: Problems, Searches, Solutions. Proceedings of the 4th International Academic Conference Devoted to the 75th Anniversary of the Victory in the Battle of Stalingrad. In 2 Parts. Part 1]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2017, pp. 59-69.
  18. Latour B. *Peresborka sotsialnogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriiu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory]. Moscow, Izd. dom VShE, 2014. 384 p.
  19. Mazanov S. *Vtoraia ochered Mamaeva Kurgana...* [The Second Stage of Mamaev Kurgan...]. URL: <https://vlg-blogger-club.livejournal.com/556253.html>
  20. Manaev A.Iu. «My vozrodim tebia, rodnoi Stalingrad!»: formirovanie obraza Stalingradskoi bitvy v istoricheskoi pamiati (1940-e – 1950-e gg.) [“We Will Revive You, Dear Stalingrad!”: Shaping the Image of the Battle of Stalingrad in Historical Memory (1940s–1950s)]. *Nauka. Obschestvo. Oborona* [Science. Society. Defense], 2020, vol. 8, no. 1. URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2020-1-22/article-0230>

21. N.S. Khrushchev na Nizhnei Volge [Khrushchev N.S. on the Lower Volga]. *Pravda*, 1963, September 18.

22. Neiman M.L. Leninskii plan «monumentalnoi propagandy» i pervye skulpturnye pamiatniki [Lenin's Plan of "Monumental Propaganda" and the First Sculptural Monuments]. *Istoriia russkogo iskusstva* [History of Russian Art], vol. 9. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1957, pp. 23-53.

23. O meropriiatiakh po provedeniiu skulpturno-zhivopisnykh rabot dlia pamiatnika-monumenta v Stalingrade [The Events for the Performance of Sculptural and Art Works for the Monument in Stalingrad]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. A-259, inv. 42, d. 7827. 52 l.

24. Ob utverzhenii smety rashodov na sooruzhenie pamiatnika-monumenta [On the Approval of the Cost Estimate for the Construction of the Monument]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. A-259, inv. 42, d. 4179. 31 l.

25. Ogryzko V. *Pochemu Konstantin Simonov proigral skulptoru Vuchetichu* [Why Konstantin Simonov Lost to Sculptor Vuchetich]. URL: <https://litrossia.ru/item/8406-pochemu-konstantin-simonov-proigral-skulptoru-vuchetichu>

26. Perepiska s ministerstvami i vedomstvami o sozdanii ekspozitsii «Stalingradskaia bitva» [Correspondence with Ministries and Departments on the Creation of the "Battle of Stalingrad" Exhibition]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. A-259, inv. 48, d. 6931. 355 l.

27. Polevoi B. Takim li dolzhen byt pamiatnik geroiam Stalingrada? [Is This How the Monument to the Heroes of Stalingrad Should Be?]. *Komsomolskaia Pravda*, 1960, February 7.

28. Postanovleniia Soveta Ministrov RSFSR za dekabr 1958 goda [Resolutions of the Council of Ministers of the RSFSR in December 1958]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. A-259, inv. 1, d. 1059. 355 l.

29. Proekt postanovleniia TsK KPSS, zapiski Otdelov, pisma [Draft Resolution of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, Notes of Departments, Letters]. *Rossiysky gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii (RGANI)* [Russian State Archive of Contemporary History], f. 5, inv. 37, d. 84. 217 l.

30. Razakov V.Kh. Arkhitekturno-skulpturnyi pamiatnik-ansambl «Geroiam Stalingradskoi bitvy» na Mamaevom kurgane [Architectural and Sculptural Monument-Ensemble "To the Heroes of the Battle of Stalingrad" on Mamaev Kurgan]. *Voennyi Stalingrad kak mirovoi sotsiokulturnyi fenomen* [Military Stalingrad as a World Sociocultural Phenomenon]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2017, pp. 156-187.

31. Riabov O.V. Monument «Rodina-mat zovet!» v simvolicheskoi politike: Kontury problemnogo polia

[The Monument "Motherland Calls!" in Symbolic Politics: Outline of Research Field]. *Labirint. Zhurnal sotsialno-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Research], 2017, no. 1, pp. 6-20.

32. Riabov O.V. «Rodina-mat» v sovetskom diskurse Stalingradskoi bitvy: voennaia propaganda i kommemoratsiia ["Motherland" in the Soviet Discourse of the Battle of Stalingrad: Military Propaganda and Commemoration]. *Labirint. Zhurnal sotsialno-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Research], 2017, no. 1, pp. 21-34.

33. Stenogramma zasedaniia biuro seksii skulptury [Verbatim Report of Sculpture Section Bureau Meeting]. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstv (RGALI)* [Russian State Archive of Literature and Art], f. 2943, inv. 2, d. 1128. 51 l.

34. Strigalev A. Leninskie printsipy monumentalnoi propagandy [Lenin's Principles of Monumental Propaganda]. *Arkhitektura SSSR* [Architecture of the USSR], 1962, no. 4, pp. 2-8.

35. Tvortsam Pobedy. Vechnyi ogon na Mamaevom kurgane [To the Creators of Victory. Eternal Flame on Mamaev Kurgan]. *Izvestiia*, 1967, October 16.

36. Tvorcheskii otchet arkhitekтора A.M. Siniavera [Creative Report by Architect Siniaver A.M.]. *RGALI* [Russian State Archive of Literature and Art], f. 674, inv. 3, d. 653. 28 l.

37. Fedorov A. Pamiatnik geroicheskomu podvigu [Monument to the Heroic Feat]. *Iskusstvo* [Art], 1963, no. 2, pp. 12-13.

38. Khalturin A. Leninskii plan monumentalnoi propagandy v deistvii [Lenin's Plan of Monumental Propaganda in Action]. *Iskusstvo* [Art], 1972, no. 12, pp. 9-12.

39. Chagadaeva O. Molchanie Mamaeva kurgana [Silence of Mamaev Kurgan]. *Rodina* [Homeland], 2021, no. 9, pp. 14-16.

40. Ianushkina Iu.V. *Arkhitekturnye obrazy poslevoennogo Stalingrada* [Architectural Images of Post-War Stalingrad]. URL: [http://vestnik.vgasu.ru/attachments/Yanushkina-2013_1\(25\).pdf](http://vestnik.vgasu.ru/attachments/Yanushkina-2013_1(25).pdf)

41. Arnold S. *Stalingrad im sowjetischen Gedächtnis: Kriegserinnerung und Geschichtsbild im totalitären Staat*. Bochum, Projekt Verlag, 1998. 428 S.

42. Palmer S. How Memory was made: The Construction of the Memorial to the Heroes of the Battle of Stalingrad. *The Russian Review*, 2009, vol. 68, no. 3, pp. 373-407.

43. Trubina E. The Reconstructed City as Rhetorical Space: The Case of Volgograd. *Remembering, Forgetting and City Builders*. Burlington, Ashgate publishing company, 2010, pp. 107-120.

44. Wolfram S. Stalingrad in der sowjetischen Erinnerung. *Stalingrad erinnern: Stalingrad im deutschen und im russischen Gedächtnis*. Berlin, Links Verlag, 2003, S. 24-37.

Information About the Author

Aleksei D. Popov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Prosp. Akademika Vernadskogo, 4, 295007 Simferopol, Russian Federation, popalex79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5672-1198>

Информация об авторе

Алексей Дмитриевич Попов, кандидат исторических наук, доцент, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, просп. Академика Вернадского, 4, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, popalex79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5672-1198>